УДК 94(4) https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.5(30).16

А.М.Болгова, Н.Н.Болгов

ВЫСШАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА V—VI ВВ. В АЛЕКСАНДРИИ И КОМПЛЕКС ЕЕ ЗДАНИЙ (КОМ ЭЛЬ-ДИККА)

В позднеантичное время Александрия сохраняла свою роль ведущего интеллектуального центра. Главное место в интеллектуальной жизни города занимала философская школа неоплатонизма. Несмотря на плотную застройку современного города, польским археологам удалось найти место нахождения этой школы в квартале Ком эль-Дикка. Это был комплекс из 20 аудиторий и одеона, в котором могло обучаться не менее 500 студентов.

Ключевые слова: Александрия, школа, философия, аудитория

Высшие школы Поздней античности продолжали сохранять важную роль в интеллектуальной жизни Восточной Римской империи. В Александрии V—VII вв. функционировали философские, риторические, медицинские школы, существование которых хорошо подтверждается [1, 2] многочисленными историческими источниками. Относительно недавно они получили важное археологическое подтверждение. Открытие большого комплекса аудиторий в квартале Ком эль-Дикка[1] [3], в самом центре древнего города, требует нового взгляда на работу образовательных учреждений в Александрии и, возможно, во всем позднеантичном мире.

Участок раскопок, расположенный в широко понимаемом городском центре древней Александрии, занимает два соседних древних городских квартала, простирающихся к югу от улицы L1, главной городской артерии (Виа Канопика). Другая улица, R4, пересекает весь участок с севера на юг [4, p. 9-33; 5]. В раннеримский период эта территория была занята крупными городскими домами, украшенными прекрасными мозаичными полами [4, p. 33-58; 6]. В конце III в. эта частная застройка была снесена и более никогда не восстанавливалась.

В IV столетии эта обширная территория в центре города изменилась до неузнаваемости. В результате значительного обновления вместо жилой застройки здесь появился новый комплекс общественных зданий. Доминирующей архитектурной особенностью в этой части города был грандиозный императорский комплекс терм с палестрами, общественными туалетами и огромной каменной кладкой [7]. К западу от этого монументального сооружения был построен большой портик, прорезавший на всю ширину городской квартал с севера на юг. В его южном конце в этот период был построен театр или одеон.

Комплекс вокруг монументального портика представлял собой ряд помещений (залов, аудиторий), явно имеющих особое значение, учитывая расположение в общественном месте в самом сердце древнего города. По мнению польских археологов, вся эта зона общественных зданий, включая одеон и термы, должна была считаться городским центром позднеантичной Александрии, заменив в этой функции птолемеевскую и раннеримскую агору и гимнасий, которые должны были быть уже снесены в это время.

Всего было обнаружено 20 аудиторий (залов); некоторые были раскопаны еще в 1980-х гг.[2] [9; 10, p. 26-32]. Аудитории, по-видимому, были сосредоточены в двух группах, разделенных проходом, ведущим к комплексу терм. Эти аудитории, видимо, занимали всю территорию от портика от улицы на юге и до Виа Канопика на севере (уже за пределами раскопанного района).

За исключением двух аудиторий, все блоки их кладки имеют одинаковую ориентацию вдоль оси N-S. Отдельные аудитории, однако, несколько отличаются по размеру и внутреннему расположению [11].

Строители южной группы (G-M) должны были соотнести длину отдельных блоков с массивными опорами, поддерживающими заднюю стену портика с нерегулярными интервалами; таким образом, длина отдельных залов составляла от 9 до 11 м, за исключением аудитории H, длина которой составляла всего 7 м (раскопки 2000-х гг.). Все шесть залов граничат на востоке с длинной общей стеной. Все они имеют ширину чуть более 5 м. Секции этой восточной стены принимают форму двойной стенки, в то время как остальные представляют собой единую толстую стену, которая опасно наклоняется и вздувается под весом скопившихся за ней куч мусора [4, p. 25-31, 252-256].

Помещения, образующие восточную пристройку (аудитории A-F), имеют несколько иные пропорции, используя преимущества уже существующих стен; в результате они более просторны, хотя иногда располагают только одним рядом скамей (об аудиториях A-C [10]; об аудиториях E-F [12]).

В северной части комплекса (аудитории N-W) ситуация была иной. Очевидно, существовал единый архитектурный план для этого участка. Аудитории были также в целом больше по размеру, внутреннее пространство не было ничем разграничено. Некоторые из них были длиной более 14 м (аудитория N).

[1] Участок раскапывался с 1960 г. польским Центром средиземноморской археологии (Варшавский университет). Наиболее активная фаза работ имела место в 1980—1990-х гг., а также в 2000-е гг. В XXI столетии на месте раскопок создан Археологический парк.

[2] Четыре самые северные аудитории (здание 32) были раскопаны в 1981—1982 гг., а аудитория A-C была обнаружена в сезоне 1986—1987 гг.

Причиной этого является наличие внешних залов — это особенность, не встречающаяся в залах к югу от комплекса. Они были лишь частично отделены от самой аудитории широкими входами и без встроенных дверей. Это обеспечивало легкий доступ, а также сделало все произносимое голосом внутри четко слышимым и снаружи. Интересно, что эти внешние залы или вестибюли были снабжены одним рядом скамей. Их функция не совсем понятна; они, возможно, использовались просто как раздевалки.

Каменные скамьи были самой важной внутренней деталью, присутствующей во всех помещениях. Наиболее часто встречались два или три ряда, поднимающиеся ярусами вверх (аудитории G-M, N), хотя также имелись и помещения с одним рядом скамей (аудитория C). Положение скамей не всегда соответствовало прямоугольной форме залов, как это было в большинстве аудиторий. План подковы встречается одинаково часто, с некой круглой экседрой в южном конце комнаты. Судя по всему, аудитории могли вмещать от 20 до 30 человек, сидящих на разных ярусах.

Отличительной чертой всех залов является центральный помост на короткой стороне напротив входа. Ступени, ведущие к платформе, были найдены практически во всех помещениях. Этот помост принимает различные формы. Иногда это просто блок, поднятый над уровнем самого верхнего сиденья. Самая монументальное такая платформа — настоящая кафедра, была раскопана в аудитории K. Она состояла из шести ступеней, окруженных низкими боковыми стенками, что также давало доступ к скамьям, расположенным высоко над уровнем пола.

Загадочным является каменный низкий постамент, найденный на полу большинства аудиторий. Эти пьедесталы неизменно располагались на длинной оси комнат, напротив главного почетного места. Верхние их поверхности обычно гладкие, и их первоначальную высоту трудно определить. Только один блок (аудитория W) имеет небольшое прямоугольное углубление.

Два зала, P и S, оказались совершенно отличными от описанных выше. Их размер, ориентация и некоторые особенности плана были необычны. Оба были ориентированы по линии E-W и имели апсиды, выходящие за пределы прямоугольного контура здания на их восточных концах. Вместо непрерывных скамей, подпирающих три стены комнаты, эти два помещения были оборудованы двумя рядами скамей на противоположных сторонах. В аудитории P они состояли из пяти рядов (ярусов), каждый из которых поднимался высоко над полом. В обеих аудиториях апсида имела платформу, замыкающую полукруглые ряды скамей, явно имитируя синтрон.

Необычное внутреннее расположение этих двух залов указывает на функцию, несколько отличающуюся от функций других аудиторий. Мы видим здесь поразительное сходство с церковной архитектурой — апсида, синтрон, четкое разделение на две части, соответствующие пресвитерию, и часть здания, предназначенная для собрания людей[3]. Тем не менее, отсутствие какого-либо следа от алтаря ставит под сомнение идентификацию этих помещений с церковью.

В целом, имеющиеся материалы указывают на то, что конец V — первая половина VI вв. — наиболее вероятное время для строительства всего комплекса. Что еще более важно, восстановление театра и комплекса терм приходится на один и тот же период. Поэтому их строительство можно рассматривать как часть перестройки гражданского пространства в городе. Хотя детальная хронология отдельных залов еще не установлена, становится очевидно, что весь комплекс был со временем расширен.

Аудитории, формирующие южную группу, которая примыкала к театру (аудитории H-M) — безусловно, самые ранние[4] [4, p. 479]. Залы, расположенные к северу (N-W), были, очевидно, достроены позже. Это лучше всего иллюстрируется существованием более ранних структур, найденных под их полами.

Залы, или, по крайней мере, некоторые из них, по-видимому, пережили все политические невзгоды первой половины VII в. (сначала персидское, а затем арабское вторжение) и продолжали использоваться в течение довольно долгого времени, возможно, даже до конца этого века.

Несомненно, что все эти помещения следует интерпретировать как лекционные залы (аудитории). Студенты при этом занимали скамьи, а место на возвышении служило кафедрой для преподавателя. Эта интерпретация находит убедительное иконографическое подтверждение. Высокий тронос является неотъемлемым элементом для выступлений учителей и философов, он присутствует в изображениях на керамической посуде, рельефах, саркофагах и скульптурах.

Подобные изображения, несомненно, основанные на реалиях жизни, также были восприняты христианским искусством [13, p. 12, 32]. Твердое укоренение всех этих иконографических изображений в реалиях того периода также хорошо подтверждается литературными источниками. Исключительно яркий образ лектора был представлен Либанием в одной из его хрий[5]. Этот короткий отрывок кажется хорошей иллюстрацией для описания александрийской аудитории.

Обнаружение академического комплекса вызвало пересмотр интерпретации близлежащего одеона / театра. В своей публикации серии граффити цирковых партий, сохранившихся на мраморных сиденьях театра,

[3] Подобные синтрону возвышения и кафедра, имеющиеся во многих аудиториях, несомненно, были вдохновлены церковной архитектурой.

[4] Некоторые из них, возможно, датируются еще серединой IV в., как свидетельствуют находки в шурфе под аудиторией L.

[5] Lib., Chriae III, 7: «Учитель сидит на внушительном стуле, как судья. Он кажется ужасающим; он хмурится в гневе и не проявляет никаких признаков успокоения. Ученик должен выходить вперед в страхе и дрожи, чтобы художественно провести презентацию, которую он составил и выучил наизусть». Ср. также похожее, но несколько ироничное изображение Аммония у Захарии Схоластика (Zach. Schol., Ammon. 92—99).

З.Борковский показал, что одна из функций театра заключалась в том, чтобы собирать фракцию зеленых [14]. Теперь, однако, представляется, что функцию здания после крупной перестройки в VI в., следует рассматривать в более широком контексте [15]. Возможно, это была часть академического комплекса, главная аудитория, предназначенная, по-видимому, для публичных речей или риторических выступлений перед более широкой аудиторией, нежели собственно школа[6] [16].

Короткая схолия схоларха александрийской философской школы 2-й пол. VI в. Элия[7] упоминает, что в аудиториях, «в отличие от театров, часто встречается скругленный план, чтобы студенты могли видеть друг друга, а также учителя». Эта схолия тем более ценна, поскольку, по-видимому, отражает реальности, известные автору, главе школы.

Для образования в древности служили самые разные места. В первую очередь, это были общественные здания: храмы, термы, гимнасии и частные дома. Однако, высшему образованию были необходимы более стационарные комплексы, обеспечивающие надлежащие стандарты, а также относительную изоляцию от внешнего мира[8] [17, p. 66-67; 18; 19].

Идентификация школьных зданий в археологическом контексте дополнительно затрудняется их функциональным сходством с другими зданиями, используемыми для различных собраний, а также разнообразием терминов, используемых для их обозначения. Наиболее распространенными терминами являются didaskaleion и akroaterion, но akademia, mouseion и phrontisterion встречаются с такой же частотой[9]. Терминология эта не всегда ясна, и нет никаких установленных критериев для определения школьного здания.

Особое значение для интерпретации александрийского комплекса, по-видимому, имеет конституция Феодосия в 425 г., в которой учреждается «университет» в Константинополе[10]. В тексте указа об этой «аудитории в Капитолии» перечислено 32 кафедры, созданных для грамматиков, ораторов, философов и преподавателей права. Их число, по-видимому, соответствовало количеству аудиторий: «... каждому из этих учителей должно быть конкретно назначено место». 32 аудитории — это огромный архитектурный комплекс, сравнимый с найденным в Александрии.

Академическое учреждение, настоящий «кампус» такого размера в Александрии, не вызывает удивления. Этот город, наряду с Афинами и Беритом, был одним из важнейших образовательных центров Поздней античности с традициями, уходящими вглубь веков и соответствующими амбициями. Число студентов, обучающихся здесь, должно быть значительным, намного больше, чем в других провинциальных городах. Не менее 20 аудиторий в Ком эль-Дикке обеспечили бы комфортные условия для 500—600 студентов.

Об этом специально разработанном комплексе, сочетающем в себе различные функции, такие как аудитории или залы для публичного чтения, в Александрии свидетельствуют несколько исторических источников. Помимо Элия можно упомянуть коптский текст VI в., сохранившийся на фрагменте каменного блока и содержащий описание философского спора между будущим епископом Кириллом и его языческим коллегой в школьной аудитории [20]. Термины mouseia и akademiai встречаются в P.Cair.Masp. III 67295, обозначая место, где читал лекции Флавий Гораполлон, а до него его отец [21]. Особое значение, по-видимому, имеет еще одно свидетельство: Захария Схоластик (VI в.) сообщает о «теменосе Муз, где вокруг выступают поэты, риторы и молодые студенты, и произносят свои речи»[11] в самом центре города, что могло бы иметь отношение к аудиториям в Ком эль-Дикка. Может показаться заманчивым связать упоминание Либанием «теменоса Муз», расположенного по соседству с Тихейоном, с самой древней из аудиторий Ком эль-Дикка (аудитория L, возможно, датируется IV в.)[12].

Принимая во внимание масштабы александрийского комплекса, его расположение в городе, мы можем предположить, что это было муниципальное учреждение, которое в принципе могло обеспечивать образование во всех основных областях пайдейи — риторики, права, философии и медицины, хотя вряд ли все преподаватели, известные нам из источников, могли проводить лекции в этом комплексе [22].

Но изначально данный комплекс, скорее всего, был комплексом зданий Александрийской философской школы, оформленной во 2-й пол. V в. при Эдесии и Аммонии. В таком случае мы имеем второй после Афин пример археологического контекста позднеантичной высшей школы. При этом, видимо, далеко не случайно, что археологические остатки мы имеем именно от двух важнейших философских школ своего времени. Но даже если предположить, что комплекс не был напрямую связан с одним формальным образовательным учреждением, он в целом является доказательством видного положения, занимаемого Александрией на карте интеллектуальной и академической жизни Поздней античности.

---

[6] Возможно, что театр имел дополнительную функцию лекционного зала. Ср. замечание о театрах, предназначенных для риторических декламаций: Damasc, Vit. Is., fr. 106.

[7] Elias, In Isag. 21.30. Возможная аналогия: Joh. Gaz., Anacreont. 5, 3.

[8] Expositio Totius Mundi XXV, упоминает auditoria legum в Берите (высшая школа права), но ничего не сообщает о деталях их архитектуры.

[9] См.: Lib. Or. I, 102; Or. 4, 161; Ioan. Chrys. Ep. ad Theod. 4.28; Anth. Pal. IX, 299, 800, 801; Aen. Theophr. (PG 85, col. 876); Suda A 775:2.

[10] CTh. XIV 9, 3.

[11] Zach. Ammon. (PG 85, coll. 1064).

[12] Lib. Progymnasm., VII.

1. Haas Ch. Alexandria in Late Antiquity. Topography and Social Conflict. Baltimore-London, 1997. XVIII, 494 p.
2. Watts E. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley-Los Angeles-London, 2006. XII, 288 p.
3. Majcherek G. The Auditoria on Kom el-Dikka: A Glimpse of Late Antique Education in Alexandria // Proceedings of the Twenty-Fifth International Congress of Papyrology, 2007. Ann Arbor, 2010. P. 471-484.
4. Rodziewicz M. Alexandrie III. Les habitations romaines tardives d'Alexandrie à la lumière des fouilles polonaises à Kôm el-Dikka. Warsaw, 1984. 453 p.
5. Tkaczow B. The Topography of Ancient Alexandria. An Archaeological Map. Warsaw, 1993. 358 p.
6. Majcherek G. Notes on the Alexandrian Habitat: Roman and Byzantine Houses from Kom el-Dikka // Topoi. 1995. Vol. 5. P. 133-150.
7. Kolataj W. Alexandrie V. Imperial Baths at Kom el-Dikka. Warsaw, 1992. 217 p.
8. Burkhalter F. Le Gymnase d'Alexandrie: centre administratif de la province romaine d'Égypte // Bulletin de Correspondance Hellenique. 1992. Vol. 116. P. 345-373.
9. Rodziewicz M. Excavations at Kom el-Dikka in 1980—1981 // British Society of Antiquarians and Archaeologists. 1991. Vol. 44. P. 71-83.
10. Kiss Z., Majcherek G. et al. (ed.). Alexandrie VII. Fouilles polonaisses a Kom el-Dikka (1986—1987). Warsaw, 2000. 143 p.
11. Majcherek G. The Late Roman Auditoria of Alexandria: An Archaeological Overview // T.Derda, T.Markiewicz, E.Wipszycka (eds.). Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education. Warsaw, 2007. P. 11-150.
12. Majcherek G. Kom el-Dikka, Excavations and Preservation Work, 2004/2005 // Polish Archaeology in Mediterranean. 2007. Vol. 17. P. 21-34.
13. Grabar A. Christian Iconography. A Study of Its Origin. Princeton, 1981. 400 p.
14. Borkowski Z. Alexandrie II, Inscriptions des factions à Alexandrie. Warsaw, 1981. 146 p.
15. Kolataj W. Theoretical Reconstruction of the Late Roman Theatre at Kom el-Dikka in Alexandria // Proceedings of the Seventh International Congress of Egyptologists. Leuven, 1998. P. 631-638.
16. Kiss Z. Les auditoria romains tardifs de Kom el-Dikka (Alexandrie) // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1990—1992. Vol. 33. P. 331-338.
17. Jones Hall L. Roman Berytos: Beirut in Late Antiquity. London, 2004. 408 p.
18. Kariveri A. The “House of Proclus” on the Southern Slope of Acropolis: A Contribution // P.Castrén (ed.). Post-Herulian Athens. Aspects of Life and Culture in Athens, A.D. 267—529. Helsinki, 1994. P. 115-139.
19. Welch K.E. Some Architectural Prototypes for the Auditoria at Kom el-Dikka and Three Late Antique (Fifth Century AD) Comparanda from Aphrodisias in Caria // T.Derda, T.Markiewicz, E.Wipszycka (eds.). Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education. Warsaw, 2007. P. 115-134.
20. Hintze F., Morenz S. Ein Streitgespräch Kyrills // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde 79. 1954. S. 125-140.
21. Maspero G. Horapollon et la fin du paganisme égyptien // Bulletin de l’institut français d’archéologie Orientale. 1914. Vol. 11. P. 163-195.
22. Szabat E. Teachers in the Eastern Roman Empire (Fifth - Seventh Centuries). A Historical Study and Prosopography // T.Derda, T.Markiewicz, E.Wipszycka (eds.). Alexandria. Auditoria of Kom el-Dikka and Late Antique Education. Warsaw, 2007. P. 177-345.

Bolgova A.M., Bolgov N.N. Higher School of Philosophy at V—VI centuries in Alexandria and the complex of its buildings (Kom el-Dikka). In the late ancient times, Alexandria retained its role as an intellectual center. The main place in the intellectual life of the city was occupied by the philosophical school of neoplatonism. Despite the dense development of the modern city, Polish archaeologists managed to find the location of this school in the Kom el-Dikka quarter. It was a complex of 20 classrooms and odeon, in which at least 500 students could study.

Keywords: Alexandria, school, philosophy, auditory.

Сведения об авторах. Анна Михайловна Болгова — к. пед. н. (специальность 13.00.01), доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета; ORCID: 0000-0001-6954-7539; bolgova@bsu.edu.ru; Николай Николаевич Болгов — д. ист. н. (специальность 07.00.03), заведующий кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета; ORCID: 0000-0003-0478-5565; bolgov@bsu.edu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.06.2020. Принята к публикации 01.07.2020.